

НАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 373(091)(470)(=112.2)"1920/1930"

ГРНТИ 03.23.55: История России Новейшего времени

Ж.А. Сержанова

Языковые вопросы российских немцев в историческом аспекте

Данная статья посвящена языковым вопросам российских немцев в историческом аспекте, а именно условиям создания национальных школ и становлению системы образования в 1920–1930 гг., т. е. в период национально-языкового строительства. В статье рассматриваются как вопросы материального обеспечения национальных школ (отсутствие педагогических кадров, учебников, помещений, средств на содержание этих помещений), так и новые веяния идеологического характера, навязывающие разного рода идейные установки не только учителям, но и населению. Особое внимание уделяется вопросам надзора за деятельностью договорных школ со стороны местных отделов образования, а также религиозному характеру преподавания. Школа оказалась в каком-то «языковом распутье», не было взвешенного и справедливого баланса языков ни в их изучении, ни в использовании в качестве языка преподавания.

Ключевые слова: национальная школа; язык; национальная политика; школьное образование; педагогический состав; российские немцы; национально-языковое строительство; религиозный характер преподавания.

Zhanna A. Serzhanova

Language issues of Russian Germans in the historical aspect

This article deals with language issues of Russian Germans in historical perspective, namely the conditions of national schools establishment and the formation of educational system in the 1920–1930, the period of the national language building. The article describes the conditions and problems of the formation of German national schools. The research deals with many questions: the material support of national schools, the lack of teaching staff, textbooks, premises, funds for the maintenance of these premises, and the problem of ideological nature that impose various kinds of ideological attitudes not only to teachers, but also to the population. Special attention is paid to the supervision of contract schools by local education departments, as well as to the religious nature of teaching. The school found itself in a "language crossroads", there was no considered and fair balance of languages either in their study or in their use as a teaching language.

Key words: national school; language; national policy; school education; teaching staff; Russian Germans; national-language construction; religious nature of teaching.

© Сержанова Ж.А., 2020

© Serzhanova Zhanna A., 2020

Период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР есть период расцвета национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме [...] Развитие национальных культур должно развернуться с новой силой и с введением и укоренением всеобщего первоначального образования на родном языке.

Иосиф Сталин [1, с. 368]

«В стране безграмотной построить коммунистическое общество нельзя...» [2, с. 315] – с таким лозунгом советская власть с первых дней своего существования взялась за повышение культурного уровня национальных меньшинств. Отправным моментом в развитии национальной школы стало принятие в октябре 1918 г. постановления Наркомпроса РСФСР «О школах национальных меньшинств» [3, с. 172–173], в котором говорилось о том, что «все национальности, населяющие РСФСР, пользуются правом организации обучения на своем родном языке» и что «школы национальных меньшинств открываются там, где имеется достаточное количество учащихся данной национальности для организации школы» [4, с. 101–102]. Этот документ разрешил главный конфликт дореволюционной национальной школы – постоянно прогрессирующую русификацию. Если в дореволюционный период государство, осуществляя школьную политику, стремилось «насадить/навязать» русский язык [5, с. 168–169] в качестве языка преподавания и не задумывалось при этом ни о подготовке кадров для нацменьшкол, ни об их финансовой поддержке, то политика советской власти основывалась на принципе «ни одной привилегии ни для одной нации, ни для одного языка!» [2, с. 315] и предоставляла право всех народов на «организацию обучения на своем родном языке на обеих ступенях единой трудовой школы и в высшей школе».

Однако в действительности становление новой системы образования, и в отношении национальных школ в частности, проходило в сложных условиях: отсутствие школьных помещений, острая нехватка учителей, учебников, письменных принадлежностей, более того, у многих детей зачастую не было одежды и обуви, чтобы вообще ходить на занятия. Так, например, летом 1919 г. на третьем съезде Советов автономной области немцев Поволжья отмечалось, что «свыше половины всех детей не в состоянии были посещать школы, особенно в зимнее время» [5, с. 175]. В воспоминаниях ученика одной из сельских школ Саратовской губернии Петра Германа наглядно описано бедственное положение нацменшкол: «Мы занимались в частных домах. Дров для отопления и хлеба было мало. На уроках мы сидели в своих овчинных шубах, учитель сидел за столом в своей поношенной семинарской форме и завязанной под подбородком шапкой-ушанкой на голове» [6, с. 24]. В Сибири, из-за сложных погодных условий, вопросы, связанные с организацией элементарного обеспечения национальных школ, стояли еще острее.

Серьезной проблемой стало и обеспечение национальных школ учебниками на родном языке, так как их отсутствие лишало всякого смысла провозглашенное новым советским государством право преподавать на своем языке. Так, например, согласно списку необходимых учебников на немецком языке, составленному участниками съезда немсекции Омского губернского отдела народного образования в ноябре 1920 г., для немецких национальных школ срочно требовалось около 3 тыс. экз. букварей, более 4 тыс. книг для чтения (хрестоматий), 4,5 тыс. учебников по грамматике, 3 тыс. задачников и 2 тыс. учебников по географии [7, с. 179].

Следует признать, что отделы образования предпринимали различные попытки самостоятельно снабдить школы учебной литературой. Так, к примеру, был переиздан дореволюционный букварь

Г. Шлимбаха [7, с. 164], задействованы фонды библиотек военнопленных, оставшиеся в Канске и Красноярске после их эвакуации на родину, а также фонды немецкоязычной литературы библиотеки им. А.С. Пушкина в Омске [7, с. 164]. Однако эти разовые меры не устраняли главного: государство было не в состоянии финансировать быстрорастущее число школ, обеспечить учителей необходимыми условиями работы и зарплатой. Начавшаяся кардинальная перестройка системы образования в государстве изначально не была подкреплена ни материальными ресурсами, ни наличием учителей для национальных учебных заведений. Поэтому бурный рост школ в течение 1920–1921 гг. был воспринят властями как «катастрофический», а отсутствие средств привело к тому, что уже со второй половины 1920/21 учебного года система как русскоязычных, так и национальных школ стала «разрушаться». Большинство учебных заведений к концу 1921 г. значились только на бумаге и в отчетах Наркомпроса. Если в 1920 г. доля детей в возрасте от 8 до 11 лет, посещавших школу, в целом по стране достигала около 75 %, то к апрелю 1921 г. она сократилась до 44 % [8, с. 118–120].

«Катастрофическое» состояние системы школьного образования ярко прослеживается на примере немецкого населения Немреспублики: за четырнадцать лет, с 1914 по 1928 г., образовательный уровень немецких детей снизился более чем в два раза. Если в 1914 г. грамотность немецких школьников была самой высокой в России, то к 1928 г. она вплотную приблизилась к уровню детской грамотности кочевых народов, являвшейся в середине 1920-х гг. одной из самых низких в Советском Союзе [9, с. 74]. По грамотности немецкие дети в 1928 г. уже существенно уступали своим русским и украинским сверстникам, хотя до революции намного опережали их. Приведённые секретарем обкома ВКП(б) АССР НП Францом Густом цифры носили столь убийственный характер для престижа советской власти в Немреспублике,

что были полностью запрещены к публикации и считались секретной информацией [10, с. 74] (см. табл. 1).

Таблица 1

*Уровень грамотности детей школьного возраста
в АССР НП (1914–1928)*

Национальность	1914 г.	1920 г.	1928 г.
Немцы, %	80	41,8	38,6
Остальные национальности, %	28,4	44,6	56,2

По словам самих работников Совнацмена, вопрос материального обеспечения национальных школ вплоть до середины 1923 г. носил «бессистемный, сумбурный характер», а средства на образование поступали из различных источников: госбюджета, договорной кампании, самообложения, помощи из местного бюджета исполкомов и т. д. Однако на практике из всего этого спектра финансирования «работали» только два: местный бюджет и средства сельских общин (путем договора или самообложения населения) [3, с. 193]. Неудивительно, что при отсутствии централизованного государственного финансирования происходило резкое снижение числа национальных школ, так, например, в Сибири в период с октября 1921 г. по октябрь 1922 г. перевод школ с государственного финансирования на местный бюджет привел к сокращению числа нацменшкол на 27 %. В 1922/23 учебном году в Сибири из 26 тыс. немецких детей, в возрасте от 8 до 14 лет, посещали школу только около 3,9 тыс. чел., т. е. всего 15 % от общего числа потенциальных учащихся [12, с. 43].

На съезде заведующих губернских ОНО в ноябре 1923 г. представитель НКП РСФСР И.И. Ходоровский без всякого оптимизма заявил: «Положение школ нацмен остается очень тяжелым. Со школьными

помещениями дело обстоит очень скверно, с учебниками на родном языке – еще хуже...» [3, с. 194]. Компромиссным решением вопроса о финансировании нацменшкол стало появление договорных школ. Такие школы находились в ведении отдела образования, но деньги на их содержание и учителей выделяло сельское общество, оно же имело право контролировать их расходование. Открытие и содержание договорных школ могли позволить себе, как правило, зажиточные немецкие, особенно меннонитские селения. Так, например, меннониты Омского уезда самостоятельно содержали в 1924/25 учебном году 15 школ (с 15 учителями) на общую сумму около 8 тыс. р. Полное самообеспечение подобных школ религиозными общинами вызвало большую тревогу властей [5, с. 183–184], поскольку меннониты содержали на свои средства только тех преподавателей, которые их устраивали по «религиозным взглядам». Острые противоречия между общинами и представителями власти складывались чаще всего именно вокруг кандидатуры учителя, как это было и в дореволюционный период. Именно идеологическая сторона вопроса существования договорных школ стала причиной того, что уже в мае 1922 г. Наркомпрос разослал всем губернским ОНО письмо с «предложением» отказаться, по возможности, от договорных школ. В противном случае на местах рекомендовалось оставить на «плечах обществ» лишь хозяйственные затраты, а зарплату учителю выплачивать из бюджета. Наркомпрос был серьезно обеспокоен отсутствием надзора за деятельностью договорных школ со стороны местных отделов образования, а также тем, что школы работали без программ и по старым учебникам, а преподавание, как правило, имело религиозный характер. В целях борьбы с такими явлениями Наркомпрос потребовал к началу 1926/27 учебного года перевести содержание договорных школ на совместное финансирование, усилить за ними контроль, а главное – проверить

состав учителей. При этом власти были обеспокоены не квалификацией учителей, отсутствием программ и наличием дореволюционных учебников, так как этими же недостатками страдали и сетевые школы, их главная проблема заключалась в отсутствии лояльности «договорных» учителей. Огромное количество педагогов были верующими и их мироощущение так или иначе проявлялось в изложении учебного материала. Учителя преподавали то, что от них требовали родители ребенка, а не государство [5, с. 168–170].

Как отмечало руководство ВЦИК в 1925 г., крестьяне «через голову отделов народного образования» открывали договорные школы не только для того, чтобы ускорить «темпы развития народного образования», а с целью «корректировки» советской образовательной системы [12, с. 168–169]. Идеиная «чистота» договорных школ стала главной причиной включения их в государственную сеть ОНО. Учителя данных школ, в свою очередь, подлежали так называемой чистке.

19 августа 1926 г. президиум Совнацмен НКП принял решение о переводе договорных, в первую очередь немецких школ Сибири, на местный бюджет. Однако из-за отсутствия финансовых средств это решение не было выполнено ни в 1926, ни в 1927 и 1928 гг.

В своих воспоминаниях ученик Аполлоновский школы Омского уезда Иван Эпп отмечал следующее: «До 1926 года в школе оставалось все по-старому Первые годы моей учебы [И. Эпп посещал школу только пять лет – примечание автора] у нас еще были учителя, назначенные сельской общиной, и преподавание велось так, как того желали родители.... На четвертом году (1926–1927 гг.) моего обучения все переменялось. Теперь учителя назначались государством, и программа обучения тоже стала государственной. Молитва была запрещена, и Библия тоже исчезла. В 1927 году власти запретили совместное использование школы и молитвенного дома, [...] поэтому три села

(Аполлоновка, Березовка, Подковыровка) в складчину купили дом и оборудовали школу, [где] преподавание велось на немецком и русском языках. Учителями были Мартенс и Яков Петрович Дик» [13, с. 188].

Следует отметить, что перевод договорных школ в государственную сеть при хронической нехватке средств был непростой задачей, однако тенденция к сокращению числа несетевых школ набирала силу. В течение 1925–1927 гг. только в Омском округе их количество снизилось с 40,6 % до 15,8 % (см. табл. 2).

Таблица 2

Соотношение сетевых и договорных немецких школ Омского округа в 1924–1928 гг.

Учебный год	Сетевые школы	Договорные школы	Всего учителей	Всего учеников
1924/1925	19 (59,4 %)	13 (40,6 %)	39	Нет сведений
1925/1926	31 (75,6 %)	10 (24,4 %)	42	1723
1926/1927	40 (85 %)	7 (15 %)	48	1999
1927/1928	48 (84,2 %)	9 (15,8 %)	60	2156

Если дореволюционная российская школа занималась не только делом образования, но и нравственно-религиозным становлением личности школьников, то на советскую школу, помимо образования, были возложены задачи «социального воспитания» и политико-просветительской работы [14, с. 174]. Для советской школы требовались политически грамотные педагоги, сторонники новой идеологии – педагоги «нового» типа. Принципы отбора учителей для советской школы были сформулированы на VII съезде ВКП(б), где говорилось об учителе как об «агенте» коммунистического просвещения. Как показывают факты, реальное воплощение данной установки в жизнь было

делом крайне сложным, а для национальных школ – практически невыполнимым и к середине 1930-х гг. Так, например, в материалах комиссии по проверке немецких школ Алтая в 1935 г. было отмечено, что «вопросы образования в национальных немецких школах находятся вне партийного контроля, в школах открыто культивируются национализм и религиозные настроения», большинство преподавателей политически неграмотно, половина состава не имеет семилетнего образования. В отчете комиссии были зафиксированы и примеры «антисоветских настроений» немецких школьников: пение контрреволюционных песен, искажение текста пролетарского гимна, обезображивание портретов вождей коммунистической партии и государства и т. п. По итогам проведенной проверки в Немецком районе Алтая был уволен 21 учитель, несмотря на то что в школах района имелась острая нехватка преподавателей для немецких школ [15, с. 242].

«Выходом» из сложившейся ситуации стал полный запрет национальных школ, включая немецкие. 24 января 1938 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о реорганизации национальных школ как «очагов буржуазно-националистического антисоветского влияния на детей», наносящих огромный вред делу правильного обучения и воспитания.

Несмотря на несовершенство самой национально-просветительской политики советского государства в 1920-е гг., все же имелись возможности для осуществления в школе равноправия национальных языков и развития национального образования. Реорганизация национальной школы в 1930-е гг. нанесла серьезный урон национальной культуре как немцев, так и других национальностей СССР: многие национальные школы были просто закрыты, язык, как часть культуры, вытеснялся в бытовую и конфессиональные сферы и в конечном итоге был обречен на утрату у молодого поколения.

Отсутствие четкой траектории развития национальных школ связано с рядом причин как объективных, таких как отсутствие педагогических кадров, учебников, помещений, средств на содержание этих помещений, так и идеологических, навязывающих разного рода идейные установки не только учителям, но и населению. Школа стала объектом и субъектом деформации процессов национального развития. Неудивительно, что и к концу 1930-х гг. немецкая школа так и не смогла окончательно превратиться в школу немецкого языка, вместе с тем она не давала и прочных знаний по русскому языку. Школа оказалась на каком-то «языковом распутье», не было взвешенного и справедливого баланса языков ни в их изучении, ни в использовании в качестве языка преподавания. Она все больше превращалась в механизм сталинской идеи интернационализации, ее использовали в качестве орудия для формирования нового сознания, центра атеистической пропаганды [15, с. 248].

Таким образом, полная свобода использования родного языка преподавания в национальных школах в 1920-е гг. завершилась сворачиванием национального образования к середине 1930-х гг. и фактическим запретом национальных школ к концу 1930-х гг. Если вернуться к словам И.В. Сталина, то нельзя не признать, что «развитие национальных культур» действительно развернулось с новой силой, однако, несмотря на все приложенные усилия, «укоренения всеобщего первоначального образования на родном языке» так и не произошло.

Политическая и интеллектуальная жизнь 1920-х гг. была пронизана в тогдашней советской России духом отрицания старого и утверждения нового. Концептуальное противостояние в советской культуре 20-х гг. оказало влияние и на всю тогдашнюю языковую политику, по отношению к которой применялся термин «языковое строительство».

Список литературы

1. Сталин И.В. Политический отчет ЦК XVI съезду ВКП(б) // Собр. соч. Т. 12. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1949.
2. Ленин В.И. Задачи союзов молодежи. Речь на III Всероссийском съезде РКСМ, 2.10.1920 // Полн. собр. соч. – М., 1963–1965. – Т. 41.
3. Деннингхаус В. В тени «большого брата». Западные национальные меньшинства в СССР 1917–1938 гг. – М.: РОССПЭН, 2011.
4. Культурное строительство в РСФСР. 1917–1927 гг. Т. 1. Ч. 1. – М.: Советская Россия, 1983.
5. Черказьянова И.В. Школьное образование российских немцев (проблемы развития и сохранения немецкой школы в Сибири в XVIII–XX вв.). – СПб.: Обществ. акад. наук российских немцев, 2004. – 368 с.
6. Эккерт В.К. Франц Шиллер. Краткий очерк жизни, педагогической и научной деятельности. – Красноярск, 2014.
7. Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа в Сибири (XVIII в. – 1938 г.). – М.: ОАНРН, 2000. – 308 с.
8. Штамм С.И. Управление народным образованием в СССР. – М.: Наука, 1985. – 264 с.
9. Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. Ч. 2. – Саратов: Саратов. ун-т, 1994.
10. Степанова Е.Б. Немецкие культурно-образовательные центры в Западной Сибири // Немцы Сибири: история и современность: материалы междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. / Ин-т междунар. сотрудничества Германии [и др.]; редкол.: В.М. Благинин [и др.]. – Омск: [б. и.], 1995. – С. 41–43.
11. Красовицкая Т.Ю. Модернизация России: национально-культурная политика 20-х годов. – М.: РАН; Ин-т рос. ист., 1998. – 415 с.
12. Эпп П. Не исчезли по милости Господа. Waldheim-Аполлоновка, 1911–2011. Steinhagen–Исилькуль, 2011.
13. Ленин В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросвета // Полн. собр. соч. – М., 1963–1965. – Т. 44.
14. Черказьянова И.В. Национально-языковое строительство и судьба немецкой школы в 1920–1930-е гг. // Ключевые проблемы истории российских немцев: материалы X междунар. конф. Москва, 18–21 ноября 2003 г. – М., 2003. – С. 225–252.

References

1. *Stalin I.V. Politicheskij otchet CK XVI s"ezda VKP(b)* [Political report of the Central Committee to the XVI Congress of the CPSU(b)] // Issue. – Fund 12.
2. *Lenin V.I. Zadachi soyuzov molodezhi. Rech' na III Vserossijskom s"ezde RKSM, 2.10.1920* [Tasks of youth unions. Speech at the III all-Russian Congress of the RKSM, 2.10.1920] // Issue. – Moscow, 1963–1965. – Fund 41.
3. *Doenninghaus, Viktor. V teni «Bol'shogo Brata». Zapadnye nacional'nye men'shinstva v SSSR 1917–1938 gg.* [In the shadow of Big Brother. Western national minorities in the USSR 1917–1938]. – Moscow, 2011.
4. *Kul'turnoe stroitel'stvo v RSFSR. 1917–1927 gg.* [Cultural construction in the RSFSR. 1917–1927]. – Fund 1. – CH. 1. – Moscow, 1983.
5. *Cherkazyanova I.V. SHkol'noe obrazovanie rossijskih nemcev (problemy razvitiya i sohraneniya nemeckoj shkoly v Sibiri v XVIII–XX vv.)* [School education of Russian Germans (problems of development and preservation of the German school in Siberia in the XVIII-XX Centuries)]. – St. Petersburg, 2004.

6. Eckert V.K. *Franz Schiller, Kratkij ocherk zhizni, pedagogicheskoy i nauchnoj deyatel'nosti* [A brief sketch of life, teaching and scientific activities]. – Krasnoyarsk, 2014.
7. Cherkazyanova I.V. *Nemeckaya nacional'naya shkola v Sibiri (XVIII – 1938)* [German national school in Siberia (XVIII – 1938)]. – Moscow, 2000. – 308 p.
8. Shtamm S.I. *Upravlenie narodnym obrazovaniem v SSSR* [Management of national education in the USSR]. – Moscow, 1985.
9. German A.A. *Nemeckaya avtonomiya* [German autonomy]. Part 2. – Saratov, 1994.
10. Stepanova E.B. *Nemeckie kul'turno-obrazovatel'nye centry v Zapadnoj Sibiri* [German cultural and educational centers in Western Siberia] // *Nemcy Sibiri: istoriya i sovremennost': materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 2 ch.* – Omsk, 1995.
11. Krasovickaya, T.YU. *Modernizaciya Rossii: nacional'no-kul'turnaya politika 20-h godov* [Modernization of Russia: national and cultural policy of the 20s.]. – Moscow, 1998.
12. Epp P. *Ne ischezli po milosti Gospoda. Waldheim-Apollonovka, 1911–2011* [Not disappeared by the grace of the Lord. Waldheim-Apollonovka, 1911–2011]. – Steinhagen-Isilkul, 2011.
13. Lenin V.I. *Novaya ekonomicheskaya politika i zadachi politprosveta* [New economic policy and tasks of the political world] // Issue. – Moscow, 1963–1965. Fund 44.
14. Cherkazyanova I.V. *Nacional'no-yazykovoe stroitel'stvo i sud'ba nemeckoj shkoly v 1920–1930-e gg.* [National-language construction and the fate of the German school in the 1920–1930] // *Klyucheveye problemy istorii rossijskih nemcev: Materialy X mezhdunarodnoj konferencii.* – Moscow, 2003.